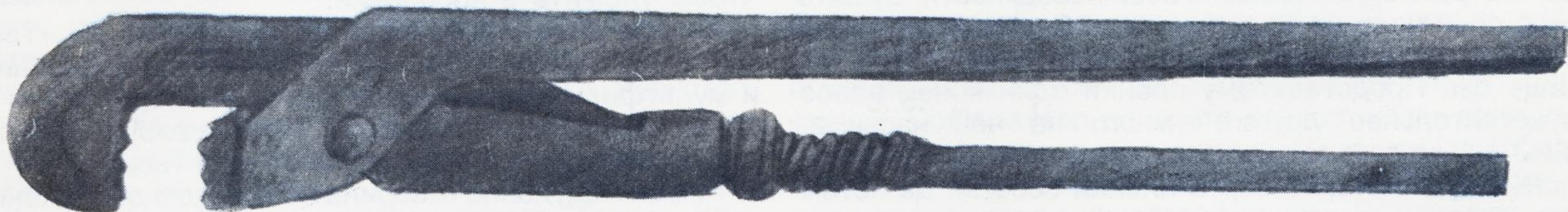

Чундрикши и водопроводчик

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

— Встали они, почистили ваксой зубы, поели каши с гвоздями и полетели злые дела делать. Папа-чундрик полетел... в академию. Прилетает, а там академики заседают. То есть все академики сидят, а один перед ними стоит и семинарит...

— Что-что делает? Как ты, Анечка, сказала?

— Смешная ты, Ромута: Се-ми-на-рит! Семинар делает. Работа такая. Вот у тебя работа — в гостинице дежурить, выдавать ключи и по телефону отвечать. У папы работа — формулы писать, он математик, а у них — семинарить... Говорить, но только по-научному: «в то же время нельзя не отметить», «в известной степени»...

— Понятно.

— Так на чем я остановилась? Папа-чундрик прилетает в академию, невидимый, конечно. Тихонечко за стол прячется...

— Зачем же он прячется, если невидимый?

— Не перебивай, он знает, что делает. Мало ли что... Так надежнее. Ну вот... Академик говорит, а сам в бумажку смотрит. И все академики головами кивают: правильно говоришь, правильно, хорошие у тебя формулы, правильные. А чундрик потихонечку бумажки схватил — и бежать. Академик к столу — где бумажки? Нет бумажек! Как дальше говорить? Все академики головами качать — ай-ай-ай, как нехорошо! Академик застеснялся и убежал.

— Бедный академик. Неужели тебе его не жаль, Анечка?

— Конечно, жаль, а что делать? Я же тебе сразу сказала: чундрики злые дела полетели делать.

Аня любит сказки. Не только любит слушать сказки, но и сама их сочиняет. Сначала они вместе с папой сочиняли, а потом Аня научилась сама. Чундрик она придумала в поезде, когда ехала с папой сюда, в город Друскининкай, на математическую конференцию. Она лежала в темноте на полке, спать совсем не хотелось, а по купе скакали зайчики от мелькающих за окном фонарей, и колеса стучали: чун-дрики, чун-дрики, чун-дрики.

Чундрики маленькие, мохнатенькие, с рожками и с хвостиком. Вроде чертиков, только чертики худые и юркие, а чундрики толстенькие и неповоротли-

вые. Они делают злые дела, но на самом деле они добрые. Это у них работа такая. Когда могут, они потихоньку и доброе дело сделают, только никому не признаются. Или сделают злое дело, но так, что от этого только плохим людям плохо станет. Ну, иногда от них и хорошим людям достается — они любят победокурить, — но им потом бывает стыдно. Это не то что чертики, которым только бы навредить. Если бы чундрик с детства воспитывали и учили, так и они были бы не хуже других.

Свои сказки Аня рассказывает Ромуте. Ромута — веселая, и сказки она умеет слушать. Обычно взрослые только притворяются, что слушают, сами думают про свои дела.

У Ромуты очень интересная работа — дежурить в гостинице. Когда она дежурит, Аня всегда ей помогает. В гостинице живут в таких квартирах, которые называются номерами, потому что на каждой квартире номер написан, и тот же номер написан на ключе. Когда гость уходит, надо у него взять ключ и повесить на гвоздик с тем же номером.

Но это еще не самое интересное. Самое интересное — это сигнализация. У дежурной на столе стоит большая железная коробочка, а на коробочке номера. А у каждого номера маленькая лампочка и маленький рычажок — тумблер называется. Когда гость уходит, дежурная нажимает рычажок от его номера, и загорается зеленая лампочка, а когда гость вернется, ей надо не забыть тумблер обратно нажать, а то зря поднимется тревога.

Все это Аня научилась делать еще в первый день, когда ей Ромута разрешила помогать. Аня никогда не ошибалась, и Ромута полностью доверила ей работу. Ей оставалось только отвечать на телефонные звонки: «Гостиница «Турист» слушает. Извините, но свободных мест нет. Математическая конференция. Попробуйте после семнадцатого». Или «Антанас, ты пообедал? Пока не повторишь географию, во двор не выходи».

А папа Анин каждый день уходил на свою конференцию. Сначала Аня попробовала пойти с папой, но там было так скучно. Тогда Ромута и предложила Ане вместе подежурить.

— Анечка, а мама почему вместе с вами не поехала?—спросила Ромута.

— Мама диссертацию пишет. И теперь никуда с нами не ездит, все, говорит, я вам больше не слуга. А зато я спать ложусь, когда захочу. И в воде холодной купаюсь.

— А у тебя красивая мама?

— Очень! Вот ты красивая, а она еще красивей...

— Понятно.

Анина мама — биолог. Она проверяет на мышках лекарства: если мышка выздоровела, значит, лекарство хорошее. Очень важная работа: лекарства потом лечат людей. Аня как раз этим и будет заниматься, когда вырастет. Она будет врачом и придумает лекарство от старости. Это она решила, когда умерла ее прабабушка Тоня. Ане ничего не сказали, но она догадалась и плакала ночью тайком, чтобы не заметили, что она догадалась.

Сначала Аня решила, что придумает лекарство от смерти, но, когда она сказала об этом папе, он спросил ее: «А ты подумала, где все эти бессмертные люди будут жить?» «Как где,—удивилась Аня,—на Земле, где же еще!» Они стали с папой считать, хватит ли людям места на Земле, если они перестанут умирать, а дети будут рождаться, как раньше. И они сосчитали, что очень скоро, еще до конца нашего века, бессмертным людям станет тесно на Земле.

«Ну и что,—сказала Аня,—а я тогда буду только хорошим людям давать лекарство от смерти, а плохим не буду». «Вот как,—засмеялся папа,—а как ты будешь решать, кто хороший, а кто плохой? Вдруг ошибешься? Нет, врач должен лечить всех, и хороших и плохих». Тогда Аня придумала, что лекарство ее будет лечить не от смерти, а от старости. Живет человек молодой и здоровый ровно двести лет, а потом—раз, и тихонько умирает, без всякой боли. И никому не обидно: все живут одинаково и заранее знают, когда умрут, и все в жизни успевают. Ну, может быть, совсем хорошим людям будут по две ложки Аниного лекарства давать, чтобы они четыреста лет жили...

Конечно, когда папа возвращался в гостиницу, то Анино дежурство кончалось. Они обедали в ресторане «Нямунас», а потом, если на вечерних заседаниях не было ничего интересного для папы, шли на озеро и катались на лодке. Там на озере прямо из воды фонтан бьет. Сильные струи воды бьют вверх под углом, и получается, как будто под водой великан сидит и усы вверх выставил. Интереснее всего подплыть тихонько на лодке между струями к самой середине, откуда «усы» выходят. С обеих сторон лодки водяные стенки, радуга сверкает, брызги летят, и можно играть: будто понарошке великан сейчас рот откроет и проглотит лодку.

— Ура, идем в «Нямунас»!—закричала Аня, едва папа появился. До ресторана «Нямунас» было близко—чуть пройти вперед по переулку, потом направо мимо стройки, потом мимо большой лужи—и вот он, «Нямунас». Снаружи он некрасивый—дощатый, покрашенный зеленой краской, как летний кинотеатр, но зато внутри там как во дворце—зеркала во всю стену.

«Нямунас-ня-нямунас»,—напевала Аня, прыгая на одной ноге и стараясь не отстать от папы и дяди Володи, которые шли впереди и спорили про свои сигмы.

— Папа, послушай, я стихи сочинила! «В Нямунас, в Нямунас есть идем—ням-ням у нас».

— Замечательные стихи... Смотри, не попади в лужу,—сказал рассеянно папа и снова за свое «сигма, сигма, дельта, эпсилон», как будто больше ничего на свете нет. А сам, кстати, по лужам идет и

ничего не замечает. Совсем как маленький—нужен глаз да глаз. Недаром мама перед отъездом сказала: «Не знаю уж, кто за кем следить будет, оба хороши».

В ресторане «Нямунас» им давали комплексные обеды. Один раз папа сказал, что у этого обеда мнимая часть больше действительной, и все почему-то засмеялись. У этих математиков никогда не поймешь, что смешно. Иногда говорят-говорят про свои формулы и вдруг как засмеются—только стены дрожат. А спросишь, почему смеются,—руками разводят, а объяснить не могут. Уж лучше Аня будет врачом, а не математиком—там все понятно, что смешно, а что нет.

А обед, кстати, даже вкусный. Только супа слишком много наливают. Папа никогда не вмешивается, когда Аня ест, разве что жестом покажет, мол, не наклоняйся так низко к тарелке или возьми вилку как следует. И вообще у них дома, в Москве, никто никого есть не заставляет: сколько съел, столько съел, значит, больше не хочет.

Аня съела полтарелки супа, отодвинула его и уже стала пододвигать к себе котлеты, как вмешалась старушка, которая сидела напротив них за столом.

— Ребенок ничего не ест, а отец даже не смотрит! Ну-ка доешь суп, а то расти не будешь. Если ты съешь еще тридцать ложек, я подарю тебе эту салфеточку.—Старушка засуетилась, стала рыться у себя в сумке и действительно вытащила круглую бумажную салфеточку с дырочками по краю.

— Видишь, какая красивая салфеточка? Ну давай, я буду считать ложки.

Аня и папа переглянулись. Конечно, это было смешно, что самостоятельному человеку, который умеет считать на калькуляторе и сочиняет стихи, кто-то собирается считать тридцать ложек супа и дарить за них салфеточку. Но они не стали смеяться и вообще ничего не сказали старушке, чтобы она не обиделась. Но старушка все равно обиделась. Она почему-то очень рассердилась на папу, который был совсем ни при чем. Она стала говорить так, как будто папа был не один, а было много пап, и все эти папы не следили за своими детьми.

— Вам только доверь ребенка! Домой пришел, на диван забрался: жена, подавай обед! А то и совсем домой не придете—ищи-свищи.

Аня уже собралась сказать, что ее папа сам умеет

разогревать обед, и что его нечего искать-свистать по городу, потому что он работает дома, и что мама, наоборот, говорит ему: надоело мне твою спину за столом видеть, сходи хоть прогуляйся, и что вообще кто обзывается, тот сам так и называется. Но она не успела открыть рот, как папа положил ей ладонь на руку, улыбнулся старушке, как он умеет, и тихо сказал: «Успокойтесь, пожалуйста, прошу вас. Поверьте, если мы с вами познакомимся поближе, вы поймете, что были к нам несправедливы».

Это у него так хорошо получилось! Старушка сразу замолчала, и только дышала тяжело, как будто пробежала без остановки до озера и обратно. А папа наклонился к Аниному уху и сказал: «Анечка, ты же будущий врач. Видишь, как волнуется пожилой человек? Это вредно для сердца. Съешь тридцать ложек. Ради здоровья больного врач должен идти на все. К тому же салфеточки с дырочками тоже на дороге не валяются».

— Вот видите,— сказала гордо старушка, досчитав ложки и вручив послушному ребенку салфеточку,— у меня к детям подход. Против такой салфеточки ни один ребенок не устоит, правда, Анечка?

— Угу,— пробубнила Аня, жуя комплексную котлету, и толкнула папу ногой под столом.

После обеда они не пошли на озеро. Папе нужно было доспорить с дядей Володей про сигмы. Они сели за столом в номере, склонились над бумагой и сразу забыли про Аню. Делать нечего — оставалось только пойти дежурить.

Ромута уже ушла домой, а на ее месте была дежурная, которую Аня до этого видела только раз. Она разрешила помогать, но не очень охотно, и, конечно, не могло быть и речи о чундриках. Она бы не поняла, да и Аня не стала бы ей сама рассказывать. Пусть уж только папа и Ромута знают про чундрикков.

А у чундрикков между тем такое происходило! Чундренок-сын полетел в школу. Прилетает, а там урок географии. На учительском столе стоит большой глобус... Чундренок-сын стал его потихоньку поворачивать, чтобы разглядеть, где Тихий океан. А сам чундренок был невидимый. Антанас, сын Ромуты, сидел на первой парте и тоже разглядывал глобус. Он-то и заметил первым, что глобус начал крутиться. Антанас толкнул локтем Альдиса, своего соседа по парте, и они, раскрыв от удивления рты, стали следить за глобусом. Глобус крутился все быстрее: это чундренок решил так поиграть. Уже весь класс, затаив дыхание, следил за взбесившимся глобусом. Только учитель ничего не замечал. Очень довольный, что дети так тихо сидят, он рассказывал им, отчего бывают день и ночь и разные времена года.

— Понимаете, ребята,— говорил он, не замечая, как за его спиной вертится и подпрыгивает глобус,— это нам так кажется, что Солнце всходит, а потом заходит. На самом деле наша Земля вертится вокруг своей оси. За двадцать четыре часа она делает полный оборот. Когда наша сторона Земли повернута к Солнцу, у нас день, а на противоположной стороне Земли — ночь, а когда Земля повернется другой стороной, у нас будет ночь, а у них — день. Вот смотрите...— Он повернулся к глобусу, чтобы показать, как вертится Земля, и остолбенел.

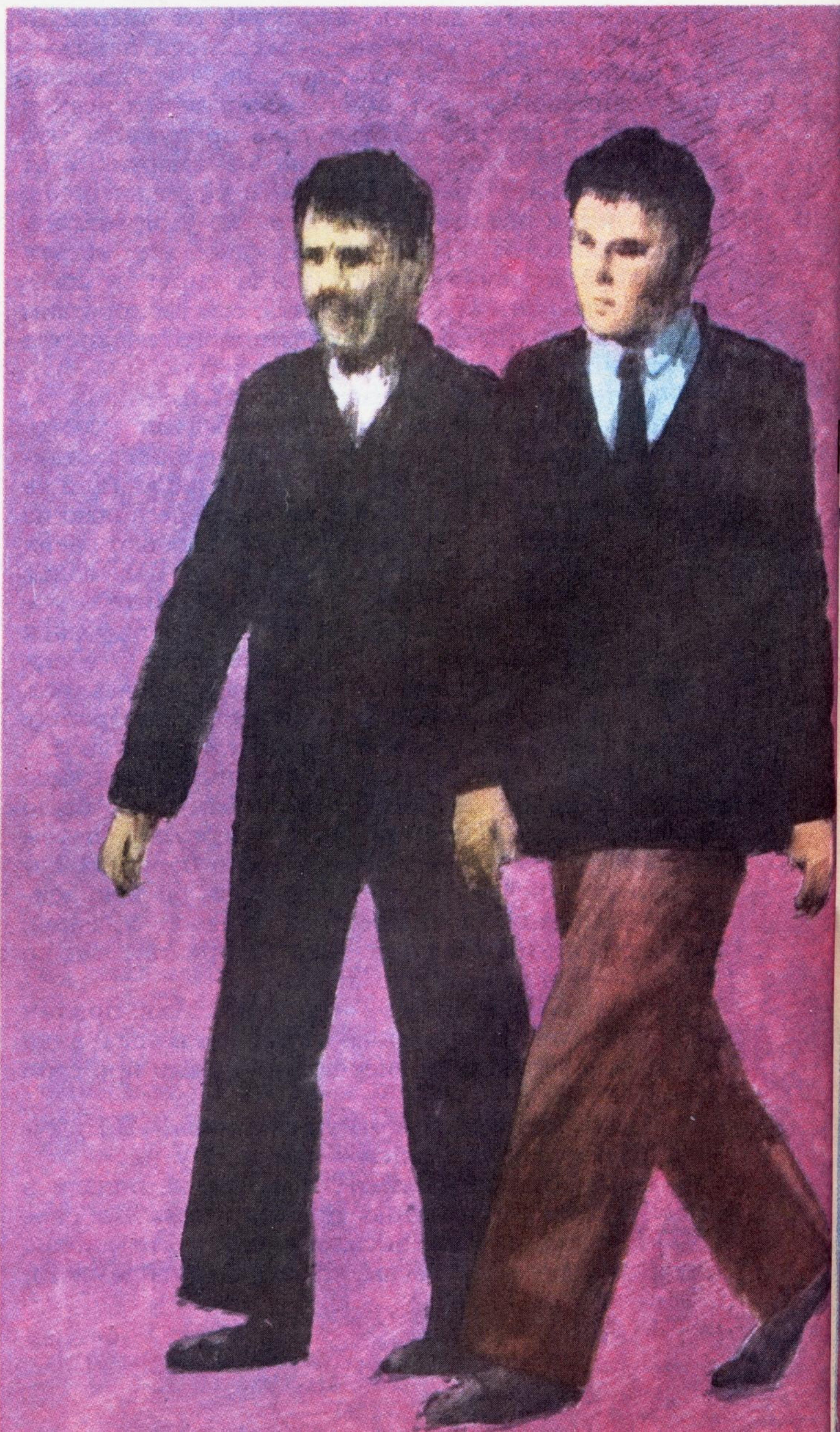
Глобус уже вертелся! Сам, без чьей-либо помощи! Тут чундренок, которому надоело сидеть и крутить глобус, схватил его за подставку и полетел. Он сделал круг у потолка и облетел вокруг лампы, которую забыли выключить.

Все затихли. Глобус, продолжая вертеться вокруг своей оси, медленно кружился вокруг светящейся лампы. «Понимаю,— закричал Антанас,— это так

Земля вокруг Солнца кружится! Когда поближе подлетит, то станет жарко,— это лето, а когда подальше...»

Он не успел договорить, как раздался школьный звонок. Он зазвенел так неожиданно и так громко, что чундренок испугался и выронил глобус. Раздался грохот, звон, и бедный чундренок бросился наутек. Так он и не узнал, отчего бывает зима...

Беда случилась через час или два: Аня прибежала в слезах в номер, она так отчаянно рыдала, что несколько минут папа не мог разобрать, что она хочет сказать. Пришлось взять ее на руки и поносить по комнате, качая, как маленькую, и напевая глупую детскую песенку: «Тише, Анечка, не плачь, тебе будет тепло, вы, микробы, уходите, уходите, уходите! Уходите далеко, далеко, ко, ко: в Африку, фрику, фрику, в Африку, фрику, фрику. Там вас ждут гиппопотамы, тамы, тамы, тамы, тамы. Там вас ждут и носороги, роги, роги, роги, роги». Песня могла продолжаться бесконечно, но обычно Аня быстро успокаивалась. Это папа заметил, еще когда она была совсем маленькой и болела воспалением легких. Они с мамой по очереди носили Аню на руках всю ночь, до прихода врача, и тогда-то и родилась эта песенка. Теперь ее уже

трудно было воспринимать всерьез, но она по-прежнему действовала.

На этот раз папе пришлось дойти до баобабов и до мужи цеце. И только потом ему удалось узнать, что случилось. В гости к дежурной пришел злой водопроводчик и прогнал Аню. Он сказал, что детям тут нечего делать, что Аня сломает сигнализацию, и, что было обиднее всего, он сказал ей «брысь отсюда», как будто прогонял котенка. Он даже не стал слушать Аниных объяснений, что она все делает правильно и ни разу не ошиблась и что ей уже давно разрешают дежурить. Он просто взял ее за руку, вывел из-за стойки, за которой находятся дежурные, повернул лицом к лестнице и подтолкнул в спину — иди, мол, отсюда.

С Аней еще никто так не обращался. Она была уверена, что все взрослые говорят с детьми добрыми голосами, даже разбойники. Если разбойник хочет украсть ребенка, он дает ему конфету и говорит: пойдём со мной, я тебе еще дам.

Но что обычный взрослый человек, не разбой-

ник, а водопроводчик, может просто так обидеть ребенка, прогнать его, как котенка, который путается под ногами!

— Понимаешь, папа,— говорила она, всхлипывая,— он меня даже не воспитывал. Не ругал ни за что, не наказывал. Я ему не понравилась, и он мне сказал «брысь».

— Ладно, хватит плакать, посиди здесь с дядей Володей, а я через минуту приду,— сказал папа и решительно вышел.

В дежурке водопроводчика не оказалось. На беду или на счастье, но он ушел домой. Папа вернулся в номер, они с Аней попили чаю и немного успокоились. За окном стемнело, на улице зажглись фонари, а из соседнего парка доносилась тихая музыка. Аня уютно устроилась у папы в кровати с альбомом для рисования, а папа сидел за формулами. Но им не работалось: из головы не шло происшествие с водопроводчиком.

— Папа, а почему люди бывают злые? — задумчиво спросила Аня.— Потому что их плохо воспитывают, да?

— По-разному бывает. Некоторых плохо воспитывают, некоторых много обижают в детстве, а у некоторых от рождения такой характер. Уж их и воспитывают, и подарки дарят, и ласково с ними разговаривают, а они все равно злые.

— А вот чундрики не злые. Но их совсем никто не воспитывал, потому они и делают злые дела.

— А ты знаешь, куда полетел сегодня вечером папа-чундрик?

— Куда? На телевидение, да?

— А вот и нет. Он подслушал наш разговор, узнал, что тебя водопроводчик обидел, и полетел к нему домой. Прилетает, а там водопроводчик на диван забрался и жене кричит: а ну-ка, подавай обед! А жена ему прямо на диван тарелку супа несет. Тут чундрик ему на ухо говорит «ку-ку». Водопроводчик от неожиданности вздрогнул и тарелку себе на живот опрокинул.

— Ура, ура, так ему и надо, так ему и надо,— кричала Аня и хлопала в ладоши,— так ему и надо, мало шоколада!

Потом водопроводчик в душе помылся, переоделся и собрался в кино идти. Ну, а чундрик, конечно, за ним полетел. В кино водопроводчику досталось место между двух толстых-претолстых тетей, не выйти ни влево, ни вправо. К тому же обе они заснули. Спят они, а водопроводчик кино смотрит. И тут чундрик стал ему на ухо страшные слова шептать: сигма, сигма, эpsilon — уходи отсюда вон! Испугался водопроводчик, хочет он выйти, толкает то левую, то правую тетю, а они спят и в ус не дуют. Видит водопроводчик — дело плохо, и лезет под кресло. Ползет он под креслами, а сил уже совсем нет. А тут попалось ему такое низкое кресло — ни в зад, ни вперед. Застрял водопроводчик, а чундрик ему снова на ухо: сигма, сигма...

— Папа, мне его жалко! Чундрик, выручай! Подожди, водопроводчик, потерпи, чундрик тебе пилу несет, кресло пилить...

Водопроводчика Аня и папа встретили дня через три. Он прошел мимо них по лестнице с инструментами и даже не посмотрел на Аню. Наверное, он ее уже забыл. Но Аня смотрела на него победоносно. Она оказалась сильнее и не бросила его в беде, не стала над ним смеяться, когда ему стало страшно там, под креслом.

— Знаешь, папа, я поняла,— сказала Аня, когда они вышли на улицу и пошли по дороге к озеру.— Добрым людям лучше живется, чем злым.

— Конечно, лучше,— сказал папа и улыбнулся.

